

Ночь была густой, словно залитой чернилами. На заброшенном поле за задней стеной молодежной тренировочной базы семеро человек сбились в плотный круг. Корчась под ветстым жестяным навесом у тускло светящейся энергосберегающей лампы, они уплетали лапшу быстрого приготовления. Бульон остыл, и на его поверхности застыли масляные разводы, похожие на желтоватые слёзы.

Охромевший вратарь старик Чжоу помешивал палочками дно миски и тихо произнес:

— Эта лапша еще солонее, чем на прошлой неделе.

— Солёная — значит бодрит, — нападающий А Е ухмыльнулся, а в уголке его рта всё еще виднелось острое масло. — Этот ублюдок Се Линь даже на лапше экономит, боится, что мы наедемся и у нас появятся силы взбунтоваться.

Центрбек Да Чжуан ничего не ответил. Он лишь опрокинул в рот последние капли супа, осушив миску дочи́ста. Он страдал от избыточного веса, и когда-то тренер публично обозвал его «ходячим дорожным знаком», а теперь ему не находилось места даже на скамейке запасных. Но вены на тыльной стороне его кистей, вздувшиеся подобно переплетенным корням деревьев, таили в себе нестигаемую горечь.

Лу Цзин прислонился к ржавой штанге ворот, сжимая в руке «новое тренировочное пособие», которое прислал помощник Се Линя. Обложка пестрела золотым тиснением, а на страницах пестрили густо напечатанные схемы стандартных расстановок, где даже беговая дистанция игроков была размечена с точностью до сантиметра.

Он даже не открыл его.

Он просто перевернул брошюру на последнюю страницу, где мелким шрифтом было отпечатано: «Данная программа разработана эксклюзивно тактической группой Се Линя и применима ко всем молодым игрокам с профессиональным потенциалом».

Он улыбнулся.

Смех был тихим, но от него воздух под навесом мгновенно застыл.

— Вы верите в это? — спросил он.

Никто не ответил.

— Вы верите, что от этого будет хоть какой-то толк? — он с размаху швырнул брошюру на землю, листы разлетелись веером, словно разорванный в клочья смертный приговор.

Он присел на корточки и извлек из кармана зажигалку. Ту самую, которую Се Линь сунул ему в рюкзак семь лет назад при расставании: серебристую, с выгравированными буквами Jing. Он всё это время хранил ее и ни разу не воспользовался.

Язычок пламени щелкнул и ярко вспыхнул, рассекая тьму, словно молния.

— Ваше будущее, — Лу Цзин в упор смотрел на это дрожащее пламя, а его голос звучал так тихо, что напоминал шёпот, но каждое слово падало камнем в сердце каждого, — не в тех рамках, что он для нас начертил.

Бумажные страницы скручивались, обугливались и превращались в пепел.

Огонь отражался на шраме на его левой ноге — этот рубец косо пересекал пространство от колена до лодыжки, словно шрам, оставленный самой судьбой. Семь лет назад этот след был клеймом позора; теперь же он стал тотемом их семерых.

Пепел разлетелся по ветру, словно тихие похороны.

Никто не плакал, никто не кричал. Лишь старик Чжоу тихо произнес:

— ...С завтрашнего дня я буду бить по мячу правой ногой.

Лу Цзин не оглянулся. Он лишь спрятал зажигалку и зашагал к полю.

Ночной ветер подхватил пыль, проносясь над пустым газоном. Облака разорвались, пропуская лунный свет, который упал на линию ворот тонкой серебряной нитью, словно указывая ему путь в одинокий центр поля.

Он поднял с земли старый мяч, покрытый вмятинами — его кожаная оболочка была сшита из заплат, камера травила воздух, и летел он неуклюже, как пьяная утка. Лу Цзин не стал менять мяч и не стал жаловаться. Он просто замер, глубоко вздохнул, слегка напряг левую ногу, и мышечная память пробудилась в темноте.

Закрученный удар рассек воздух, словно падающая звезда.

Мяч описал в небе идеальную дугу без помощи ветра, без показушных трюков — лишь чистая сила и воля. Он со страшной силой врезался в стеклянное окно кабинета Се Линя...

— Бам.

Стекло не разбилось.

Но стоявший на подоконнике горшок с суккулентом сорвался вниз.

Побуревшие листья, иссохший стебель, треснувший горшок — всё рухнуло на бетонную площадку под окном и разлетелось на куски, словно позабытый старый сон.

Лу Цзин стоял неподвижно.

Он просто задрал голову, глядя на то окно. Свет внутри не гас. Се Линь сидел за столом спиной к нему — не шевелясь и даже не глядя в его сторону.

Ранним утром следующего дня Лу Цзин вел команду на тренировку и, проходя мимо того окна, не замедлил шаг.

Но боковым зрением он все же бросил взгляд на подоконник.

Того высохшего суккулента там больше не было.

Его место занял новый зеленый росток — с мясистыми листьями, прямым стеблем и в белоснежном фарфоровом горшке, который слепил глаза своей чистотой.

Вот только земля в горшке высохла добела, покрывшись сеткой мелких трещин.

Его никто не поливал.

Лу Цзин остановился.

Он уставился на это растение, глядя на него ровно десять секунд.

Затем он круто развернулся и усмехнулся.

— У тебя даже на цветы терпения не хватает, — его голос был негромким, но резал пустые коридоры, словно бритва. — О какой перестройке вообще может идти речь?

Едва затихли его слова, как сзади послышались шаги.

Се Линь стоял в трех шагах от него, застегнутый на самую верхнюю пуговицу черной рубашки, а старый шрам на его воротнике холодно отсвечивал в лучах утреннего солнца. В руке он держал стопку документов, не глядя ни на Лу Цзина, ни на тот цветок.

— Сегодня после обеда — тест на физическую подготовку, — бросил он, и голос его всё так же

звучал так, будто его терли наждачной бумагой. — Кто не сдаст — вылетит из тренировочного лагеря.

Лу Цзин ничего не ответил.

Он лишь наклонился, поднял с земли отлетевший старый мяч, отряхнул его от пыли и прижал к груди.

— Твой вчерашний удар, — неожиданно заговорил Се Линь, всё так же не глядя на него. — Угол — 72 градуса, скорость — 28,3 метра в секунду, вращение — 7,2 оборота в секунду.

Лу Цзин замер.

Се Линь наконец повернул голову, и впервые его взгляд по-настоящему упал на его лицо.

— Ты не изменился, — произнес он.

Адамово яблоко Лу Цзина дернулось.

— А вот ты изменился, — бросил он в ответ. — Тебе даже лень придумывать нормальную ложь.

Се Линь промолчал.

Он поднял руку, манжет соскользнул, обнажив полоску запястья — там виднелся бледный старый шрам, формой в точности повторявший тот, что был на ноге Лу Цзина.

Зрачки Лу Цзина сузились.

Се Линь же уже отвернулся, и его прямая спина казалась монолитной стеной.

— В три часа дня, — бросил он через плечо. — Не опаздывайте.

В конце коридора появился помощник, который бегом тащил стопку новенькой тренировочной формы.

— Капитан Се, это новое снаряжение для Группы Никчемы.

Се Линь даже не взглянул на вещи.

— Выброси.

— Но... вы же лично их выбирали...

— Я сказал — выброси. — Голос Се Линя сочился ледяным холодом.

Помощник в испуге прижал к груди бумаги и поспешно ретировался.

Лу Цзин смотрел на эту грудку одежды, не двигаясь с места.

Он прекрасно понимал: это вовсе не новое снаряжение.

Это Се Линь пытался оптимизировать их — прикрыть новой одеждой старые шрамы, сгладить неровные углы ровным строем.

Но они — не бездушные детали.

Они были живыми людьми, выброшенными на свалку.

Он опустил голову, нашарил в кармане серебристую зажигалку и легонько провел пальцем по выгравированным буквам Jing.

Семь лет назад Се Линь сунул ему в руки эту зажигалку со словами: Ты играешь в футбол не для того, чтобы победить меня.

Тогда Лу Цзин рассмеялся: А ты? Ради победы над кем ты играешь?

Се Линь тогда промолчал.

Теперь он понял.

Се Линь вовсе не пытался одержать верх над кем-то.

Он ждал, когда кто-нибудь вернется.

Ждал того, кто осмелится порвать тактические схемы, кто сможет ударить старым мячом наотмашь по красивой дуге, кто будет насмешливо ухмыляться рядом с чахнувшим цветком.

Ждал того Лу Цзина, который никогда не покорится судьбе.

Лу Цзин спрятал зажигалку обратно в карман и повернулся, направляясь к тренировочному полю.

Вдалеке старик Чжоу тренировался бить правой ногой — прихрамывая на каждом шагу, но бил на удивление уверенно.

А Е отрабатывал удар через себя в падении: он упал уже трижды, из уголка его рта сочилась кровь, но он продолжал улыбаться.

Да Чжуан присел на корточки в углу и выводил мелом на земле схему расстановки, которой их никто не учил — семеро игроков, семь траекторий движения, никаких стандартов, одно лишь безумие.

Лу Цзин подошел ближе, присел на корточки, поднял мел и добавил одну черту в правом нижнем углу рисунка.

Это была не тактика.

Это было имя.

— Лу Цзин.

Он поднялся на ноги и обратился ко всем присутствующим:

— Сегодня мы не отрабатываем тактику.

— Сегодня мы учимся тому, как сделать так, чтобы Се Линь потерял сон.

Поднявшийся ветер подхватил разлетевшиеся по земле бумажки и сухие листья с нового вазона, унося их далеко вдаль.

Из окна Се Линь смотрел на происходящее снаружи, рассеянно поглаживая подушечками пальцев блокнот.

На страницах, исписанных плотным почерком карандашом, красовались подробные данные Лу Цзина семилетней давности.

В самой последней строчке дрожащей рукой было выведено им самим:

Он должен был стать MVP лиги, а не брошенным элементом.

Он поднял взгляд на тот так и не политый цветок.

Полуденное солнце падало как раз на молодой лист.

На самом кончике листа дрожала капля воды, готовая сорваться вниз.

Ее полили прошлой ночью тайком.

Так, чтобы никто не заметил.

<http://bllate.org/book/19070/1873128>